

«Призрак вольности и равенства»: представления отечественных просветителей о Конституции сквозь призму Французской революции

© А.А. Маслова, Д.В. Смирнов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Освещена эволюция политических воззрений отечественных мыслителей рубежа XVIII–XIX столетий в свете их восприятия итогов Французской революции. Основу исследования составил компаративный анализ взглядов А.Н. Радищева и И.П. Пнина. Констатирована закономерность негативной оценки российскими литераторами результатов французского переворота. Показано, что критика Пниным положений якобинской Конституции 1793 г. свидетельствует о восприятии французского опыта как неприемлемого для России. Сделан вывод, что альтернативой недопустимому революционному пути является план сбережения основ сословного общества с законодательным закреплением прав собственности для всех его представителей.

Ключевые слова: император Александр I, А.Н. Радищев, И.П. Пнин, Н.М. Карамзин, М.М. Сперанский, Французская революция, Конституция

В 1789 г. во Франции развернулись кровопролитные революционные события. И уже в следующем году в России вышло сочинение А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), в котором автор обнажил те изъяны российской действительности, которые были созвучны проблемам, всколыхнувшем французскую среду: падение нравов сословного общества, ущемленное правовое и социально-экономическое положение крестьянства, отсутствие гражданских свобод и др. Изобличив противоречия политики Екатерины II и сформулировав претензии к правительству, Радищев пошел дальше А.Я. Поленова, С.Е. Десницкого, Я.П. Козельского, Д.И. Фонвизина. Вместе с тем стоит констатировать, что русские просветители рубежа XVIII–XIX столетий достаточно критично восприняли практику воплощения либеральных идей революционной Францией. В российском обществе преобладала негативная оценка тех событий, наблюдалось скептическое отношение русской интеллигенции к реализации идей эпохи Просвещения революционным путем. Например, Б.С. Итенберг указал на изменение взглядов Радищева, назвав его «родоначальником революционной традиции в России, понявшим всю непредсказуемость революционного пути» [1, с. 31, 32].

Последователем Радищева по праву считается Иван Петрович Пнин (1773–1805). Верность духу идей Радищева, который «столько жертвовал собою не для своих, но общих благ» [2, с. 62], стала неоспоримым творческим ориентиром Пнина. Оба мыслителя воспевали добродетель и закон, единый для всех, призывали к устройению народного образования, цель которого — воспитание человеческого достоинства и гражданского долга, и наконец, объявляли крепостное право противостоестественным [3, с. 126, 127]. Действуя уже после завершения Французской революции и осмыслив ее результаты, Пнин искал рациональные аргументы в защиту просвещенности и предлагал способы сохранения общественно-политического равновесия, посвятив этому сочинение «Опыт о просвещении относительно к России» (1804).

Анализируя итоги французского переворота, Пнин прежде всего выразил сочувствие к судьбе этой страны: «Франция, совершив ужасный переворот, терзая собственную свою утробу и алкая повсеместно крови... Вместо того, чтобы дать всему твердое основание, призвала мнимых мудрецов, которые являсь в лице законодателей или, вернее сказать, истребителей, мгновенно разрушив все прежние государственные постановления, на сих печальных развалинах положили основание зданию своей толико ужасной по действию и соблазнительной по правилам конституции» [2, с. 124]. Пнин обращался к якобинской Конституции, принятой Национальным конвентом 24 июня 1793 г., — наиболее радикальной из всех революционных конституций. Этот источник провозглашал социальное равенство и допускал право даже части народа на восстание. Постулаты данного законоположения могли напугать жителя любого монархического государства. Известно, что во французском обществе, еще не отошедшем от «старого порядка», не существовало фундамента для радикализма, на котором строилась эта конституция, вследствие чего наряду с ней фактически действовали иные принципы, что в конце концов завершилось кризисом политической системы диктатуры якобинцев и реставрацией монархии. В связи с этим сама Конституция 1793 г. и ее отдельные положения трактовались российскими современниками как крайне неудачный социальный эксперимент.

Приступая к анализу этого источника, Пнин разбирал принципы, лежавшие в его основании: «...во-первых: права человека, потом вольность, потом равенство и, наконец, собственность, как бы из сих прав уже истекающую. Какое разительное противоречие!» [2, с. 125]. Он был убежден, что права человека и права гражданина являются антагонизмами, поскольку люди, существуя в диких условиях, руководствуются «одними только естественными побуждениями». И только с переходом в общество человек обретает права [2, с. 125, 126]. От первого основания, «прав человека», как считал Пнин, должно было

произрасти «древо вольности, коего очаровательные по наружности своей плоды, заключая в себе сокровенный яд», спровоцировали то «бешенство и неистовство, в которых только Франция могла дать примеры, в летописях мира изображенные кровавыми чертами» [2, с. 126]. Пнин был убежден, что если бы творцы этой Конституции с большим вниманием обратились к истории, то увидели бы, что вольность, «обоготворяемый ими кумир, есть не что иное, как призрак воспаленного их воображения и никогда не была уделом человека, в каком бы состоянии он ни находился», поскольку в естественном состоянии человек «совершенно зависит от естественных своих нужд», а в гражданском — «от общественных законов» [2, с. 126]. Таким образом автор продемонстрировал, что из первых двух оснований Конституции существование вольности в обществе немыслимо и неизбежно приведет к его краху, и только порядок, обеспечиваемый законом, способен общество оберегать. Находим созвучие этой позиции у Радищева: «В училищах преподали вам основания права естественного и права гражданского. Право естественное показало вам человека, мысленно вне общества принявших одинаковое от природы сложение и потому имеющих одинаковые права, следственно, равных во всем между собою и единые другим не подвластных. Право гражданское показало вам человека, променявших беспредельную свободу на мирное оныя употребление. Но если все они положили свободе своей предел и право деяния своим, то все равны от чрева материя в природной свободе, равны должны быть и в ограничении оной. Властитель первый в обществе есть закон; ибо он для всех один» [3, с. 127].

И, наконец, Пнин критиковал принципы равенства, «стоящего [французам] столько крови и уничтожающего всякое право собственности» [2, с. 127]. Являясь свидетелем бедствий якобинской диктатуры и попытки введения Конституции 1793 г., гарантировавшей широкие права и свободы, которая, так или иначе, привела к ситуации «возвращения» авторитаризма в лице Наполеона, Пнин констатировал историческую неудачу: «...сколь ни великолепны права, из которых составлена была революционная конституция Франции, опыт подтвердил, что никто в сущности не пользовался оными, сколь основание сие легко было оное ниспровергнуть, ибо жребий их отечества находится уже в руках иноземца» [2, с. 124–128].

Оценивая исход революции, Пнин недоумевал, неужели она была предпринята для Бонапарта, чтобы «возвести его на Бурбонский престол, поднести ему титул императора и вручить гораздо большую власть...» [2, с. 124]. «Франция ничего не упустила сделать для славы первого консула; что ж сделала она для собственной своей славы, того я не вижу», — досадовал Пнин [2, с. 124]. Для сравнения отметим, что Н.М. Карамзин, будучи очным свидетелем «театра французской

трагедии», затем в своих статьях на страницах «Вестника Европы» выразился в пользу стабильных политических режимов, критикуя воплощение идей эпохи Просвещения: «Французская революция, грозившая ниспровергнуть все правительства, утвердила их...» [4, с. 21].

Размышляя о благе своей страны, Пнин приходил к выводу о том, что необходимо всеми силами пытаться избежать революционных потрясений и сохранить равновесие, а раз Россия — монархия, то тем большую «надобность имеет в неравенстве состояний», поскольку это обстоятельство является ее твердейшей опорой [2, с. 128]. Отвергая принципы якобинской конституции, Пнин предлагал альтернативу: «Призрак вольности и равенства, за которым гонялись французы, исчез, и наконец ясно, что все состояния от земледельца до монарха необходимо нужны», так как каждое из них «есть звено, государственную цепь составляющее» [2, с. 127, 128].

Для функционирования страны, аппарата ее управления и слаженной работы производства необходимы разные чины, должности и профессии, социально-экономическое положение которых не может быть одинаково. Соответственно, по убеждению Пнина, «каждый человек должен получать образование, соответствующее состоянию, в котором он находится, ремеслу, которым он занимается, и роду жизни, который он ведет» [2, с. 148]. На первый взгляд может показаться, что Пнин не только антиреволюционно настроен, но и ограничен сословными предрассудками, но разрушительность мятежа для него была более страшна, чем современная ему действительность. Тем не менее, это не являлось признанием ценности неравноправия как исторически сложившегося порядка. Более того, он предлагал меры для его усовершенствования. Исходя из концепции географического детерминизма, Пнин утверждал, что «Россия по местному положению требует преимущественного внимания и поощрения относительно к земледелию, от успехов коего зависит цветущее состояние сея державы» [2, с. 142], и прежде чем перейти к программе обучения крестьян, Пнин призывал наделить их для начала хотя бы правом владеть движимой собственностью. Эта инициатива не только учитывала российские реалии, шла в русле уже предпринятых преобразований императора Александра I [5, 6], но и ограждала земледельцев от помещичьего произвола. По высказыванию Н.А. Энгельгардта, Пнин превратил собственность в «рычаг, которым пытался свернуть иго крепостной зависимости» [7, с. 31]. В то же время Пнин не настаивал на классовой замкнутости — напротив, он предлагал ее преодолеть с помощью института почетного гражданства¹ [8, с. 278], а его программа изменения механизма усыновления

¹ Император Николай I впоследствии реализовал это предложение указом 10 (22) апреля 1832 г., введя манифест «Об установлении нового сословия под названием Почетных граждан».

незаконнорожденных детей предоставляла им свободу избрать себе состояние [9, с. 15].

Кроме того, в качестве основного механизма достижения социально-правовой справедливости и государственного равновесия Пнин предлагал переустройство общества на началах законосообразности, на основе рациональных норм. В своих произведениях он не раз высказывал идеи законопроектов: закон имел для него высшее значение, непреложное основание, обеспечивающее всем защиту и справедливость. Однако эта мера вступала в противоречие с вопросом, который волновал как самого императора Александра I, так и просвещенную элиту: в чем же заключается первоочередная нужда для страны — в основном законе, ограничивающем произвол самодержавной власти, или в реформах, инициатива в осуществлении которых была возможна исключительно волей монарха. М.М. Сперанский в «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» выразил точку зрения, согласно которой для страны является первоочередным введение конституции с сохранением монархической формы правления, а затем только постепенное проведение реформ. Пнин, напротив, важнейшим считал первоочередное претворение в жизнь преобразований, единственно возможным инициатором которых он видел Александра I. Верховенство закона и незыблемый порядок, воспеваемые в поэтическом творчестве Пнина, есть то, что может обеспечить не только общественный баланс, но и преодолеть классовое неравенство. После дарования крестьянам права владения сначала движимым, а затем недвижимым имуществом следует торжество правосудия, которое, по мысли Пнина, будет достижением подлинной свободы. Американский исследователь Сэмьюэл Раймер отмечал «оппозиционность» Пнина по крестьянскому вопросу, называя эту черту его творчества «новацией» [10, р. 546]. Заслуга И.П. Пнина, по мнению С. Раймера, в «попытках интегрировать политические понятия, которые обычно считались несовместимыми с единой и последовательной программой социальных и политических реформ» [10, р. 544].

Российские интеллектуалы этой эпохи, к которой как старшее поколение принадлежал Радищев, а как младшее — Пнин, были вскормлены идеологией Просвещения. Протестные аспекты их мировоззрения были сосредоточены на двух обстоятельствах: во-первых, на крепостном праве, а во-вторых, на самодержавии. Однако именно в личности Александра I Пнин видел гаранта и проводника глубоких изменений, необходимых для страны. Радикализм и нетерпение Радищева и смягченный оптимистический настрой Пнина, поддерживающего реформаторский курс правительства, обусловлены разницей эпох. Пнин, как и многие мыслители его времени, оценивал перспективы России в ракурсе тех событий, которые произошли во Франции конца

XVIII — начала XIX в. Хотя сам Пнин являлся активным последователем и популяризатором для российского читателя французского материализма [11, с. 3–8], этот революционный опыт имел для Пнина значение крайне неудачного социального эксперимента. Пнин осуждал несоответствия идейного содержания Французской революции и того результата, которым она завершилась: права человека были декларированы, но не были обеспечены. Неудача революции Пнин объяснял насильственным разрушением старой аристократической системы и торжеством принципа «вольности», который, будучи положенным в основание Конституции 1793 г., способствовал дальнейшему усугублению террора. Другая черта несостоятельности якобинской конституции, с точки зрения Пнина, заключалась в понимании имущественного права как составляющей представления о равенстве, об уравнении. Альтернативой насильственному перевороту стала идея о реформах «сверху» с законодательным закреплением прав собственности для всех представителей российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Итенберг Б.С. *Россия и Великая французская революция*. Москва, Мысль, 1988, 253 с.
- [2] Пнин И.П. *Сочинения*. Москва, Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934, 312 с.
- [3] Радищев А.Н. *Путешествие из Петербурга в Москву*. Москва, Советская Россия, 1987, 240 с.
- [4] Карамзин Н.М. История французской революции, избранная из латинских писателей. *Вестник Европы*, 1802, № 1, с. 20–37.
- [5] О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать по покупке земли, 12 декабря 1801 г. № 20075. *Полное Собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXVI*. Санкт-Петербург, Типография II Отделения СЕИВК, 1830, с. 862–863.
- [6] Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных, 20 февраля 1803 г. № 20620. *Полное Собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXVII*. Санкт-Петербург, Типография II Отделения СЕИВК, 1830, с. 462–463.
- [7] Энгельгардт Н.А. *История русской литературы 19 столетия. В 2 т. Т. 1. 1800–1850*. Санкт-Петербург, Товарищество А.С. Суворина «Новое время», 1902, 608 с.
- [8] Иванова А.А. Код сословности в просветительской программе И.П. Пнина. *Преподаватель XXI век*, 2017, № 4–2, с. 272–281.
- [9] Иванова А.А. Просветитель И.П. Пнин о правовом статусе незаконно-рожденных детей в Российской империи. *ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы*, 2017, № 2, с. 10–18.
- [10] Ramer S.C. The Traditional and the Modern in the Writings of Ivan Pnin. *Slavic Review*, 1975, vol. 34, no. 3, pp. 539–559.
- [11] Маслова А.А., Смирнов Д.В. Французский материализм и просветительство в восприятии российской интеллектуальной элиты рубежа XVIII–XIX вв. *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 2.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2024-2-894>

Статья поступила в редакцию 27.01.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Маслова А.А., Смирнов Д.В. «Призрак вольности и равенства»: представления отечественных просветителей о Конституции сквозь призму Французской революции. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 1. EDN JFATMS

Маслова Анна Александровна — канд. истор. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: maslova_aa@bmstu.ru

Смирнов Дмитрий Владимирович — канд. филос. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: dsmirnov@bmstu.ru

“A Specter of Liberty and Equality”: views of the Russian enlightenment thinkers on a Constitution through the prism of the French Revolution

© A.A. Maslova, D.V. Smirnov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper considers evolution in political views of the Russian thinkers at the turn of the 18th–19th centuries in light of their perception of results of the French Revolution. The study is based on the comparative analysis of views of A.N. Radishchev and I.P. Pnin. The paper confirms a pattern of negative assessment of the French revolution result by the Russian writers. It shows that Pnins’ criticism of provisions of the Jacobin Constitution of 1793 indicates that the French experience was perceived as unacceptable for Russia. The paper concludes that an alternative to the unacceptable revolutionary path lies in a plan to preserve foundations of a class society with legislative consolidation of the property rights for all its representatives.

Keywords: Emperor Alexander I, A.N. Radishchev, I.P. Pnin, N.M. Karamzin, M.M. Speransky, French Revolution, Constitution

REFERENCES

- [1] Itenberg B.S. *Rossiya i Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya* [Russia and the Great French Revolution]. Moscow, Mysl Publ., 1988, 253 p.
- [2] Pnin I.P. *Sochineniya* [Collection of works]. Moscow, Vsesoyuznogo Obshchestva Politkatorzhan i Ssylno-poselentsev Publ., 1934, 312 p.
- [3] Radishchev A.N. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu* [Journey from St. Petersburg to Moscow]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1987, 240 p.
- [4] Karamzin N.M. *Istoriya frantsuzskoy revolyutsii, izbrannaya iz latinskikh pisateley* [A history of the French Revolution, selected from the Latin writers]. *Vestnik Evropy*, 1802, no. 1, pp. 20–37.
- [5] O predostavlenii kupechestvu, meshchanstvu i kazennym poselyanam priobretat pokupkoyu zemli, 12 dekabrya 1801 g. [On granting merchants, philistines and state-owned settlers to purchase land, December 12, 1801]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie I. T. XXVI* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection I. Vol. XXVI]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830, pp. 862–863.
- [6] Ob otpuske pomeschikom krestian svoikh na volyu po zaklyuchenii usloviy na oboyudnom soglasii osnovannykh, 20 fevralya 1803 g. No. 20620 [On the landowner release of his peasants to freedom upon conclusion of the conditions based on the mutual consent, February 20, 1803. No. 20620]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie I. T. XXVII* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection I. Vol. XXVII]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830, pp. 462–463.
- [7] Engelgardt N.A. *Istoriya russkoy literatury 19 stoletiya* [History of the Russian literature of the 19th century]. In 2 vols. Vol. 1. 1800–1850. Saint Petersburg, Tovarishchestvo A.S. Suvorina “Novoe Vremya” Publ., 1902, 608 p.
- [8] Ivanova A.A. Kod soslovnosti v prosvetitel'skoy programme I.P. Pnina [An estate component in I.P. Pnin’s educational program]. *Prepodavatel XXI vek*, 2017, no. 4–2, pp. 272–281.

- [9] Ivanova A.A. Prosvetitel I.P. Pnin o pravovom statuse nezakonnorozhdennykh detey v Rossiyskoy imperii [The enlightener I.P. Pnin about the legal status of illegitimate children in the Russian Empire]. *LOKUS: lyudi, obshchestvo, kultury, smysly Locus: People, Society, Cultures, Meaning*, 2017, no. 2, pp. 10–18.
- [10] Ramer S.C. The Traditional and the Modern in the Writings of Ivan Pnin. *Slavic Review*, 1975, vol. 34, no. 3, pp. 539–559.
- [11] Maslova A.A., Smirnov D.V. Frantsuzskiy materializm i prosvetitelstvo v vospriyatii rossiyskoy intellektualnoy elity rubezha XVIII–XIX vv. [French materialism and enlightenment in perception by the Russian intellectual elite at the turn of the XVIII–XIX centuries]. *Gumanitarny vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2024, no. 2. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2024-2-894>

Maslova A.A., Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: maslova_aa@bmstu.ru

Smirnov D.V., Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: dsmirnov@bmstu.ru